Кудреванищо

А напал Кудреванищо да на Киёв-град
Со любимым со зятелком со Куршиком,
Со любимым со племянницьком со Курмышком.
А у зятелка да силы — сорок тысецей,
У племянницка да силы — сорок тысецей,
У самого Кудреванища — числа-смету нет!
Как померкло-поблекло красно солнышко,
Потемнел тут, поблёк блад светёл месяц
От того же от духу от звериного,
От того же от пару, да пару лошадиного,
А от тех же от злых от тотаришков.
Как поехали оне в путь, да в путь-дорожецьку —
Не доехали они до Киёва за три по́прышка
(А по-нашому, по-русскому, — равно́ за три версты́) —
Как роскинули шатры-те да цернабархатны.
Розвернули тут столики дубовыя,
Как розослали скатёрки да все берцатныя;
Как садилса Кудреванищо на ременчат стул,
Как писал тут ёрлыки да скоропро́писны:
Не пёро́м он писал, дак не черни́лами —
Он писал тут, Кудреванищо, красным золотом,
Отпецатал Кудреванищо чистым серебром.
Выходил тут Кудреванищо из бела́ шатра́,
А вскрицал тут Кудреванищо громким голосом:
«Уж вы ой еси, злы поґаные тотаришка!
Как кому же ’вас ехать нонеце во Киёв-град
Ко тому же ко князю ко Владимеру,
Ко тому же старому казаку Илье Муромцю,
Ко тому же Добрыни, Добрынюшки Никитичу?»
Ищо́ большо́й кроитця да за среднего,
Ишо средний кроитця да за меньшого,
Как от меньшого боґатыря́ ответу нет!
Отдавал меньшому ёрлыки скоропро́писны:
«Поеждяй ты не путём, не дорогою —
А скаци через стенушки городовыя,

А церез те ли башни, да башни да наугольныя!
Поеждяй-ко прямо да на красно крыльцо!
Ты не спрашивай нонеце у дверей придверницков,
У ворот не спрашивай приворотницков,
Середи двора не спрашивай караульщиков —
Как бросай там ёрлы́ки да скоропро́писны:
Не давай им сроку ни одно́го дня!»
Поехал он во путь, во дорожецьку —
Да скакал он церез стенушки городовыя,
Церез те ли башни, да башни наугольныя.
А приехал он ко князю да ко Владимеру,
Ко Владимеру-то князю да на широкий двор.
Заходил ле тут во гринюшки во светлыя:
Как одной ногой-то на поро́г ступил,
А другой ногой-то — на середину-пол.
Обернулса он — да на бо́льшо место сел,
В большо место он сел — да где-ка, где князь сидит,
Где-ка князь сидит да стольне-киевской!
Как бросал тут ёрлы́ки да скоропро́писны!
Ище́ брал тут Владимер ерлыки́ те скоропрописны,
Говорил тут Владимер да таково́ слово́:
«Как зовите Добрыню, Добрынюшку Микитиця!»
Говорил-ко ище Владимер да таково́ слово́:
«Ты читай-ко, Добрыня, ёрлыки те скоропрописны!»
Говорил тут Добрыня да таково́ слово́:
«Подступил-то Кудреванищо да под Киёв-град
Со любимым зятем со Куршычком,
Со любимым племянничком со Курмышком;
А у зятелка силы было — сорок тысечей,
У племянничка силы было — сорок тысячей,
У са́мого Кудреванища — числа-смету нет!
Уж давай Киев-город со Черниговом
Без бою, без драки, без кроволития!»
(Ишь, написано что в ярлыке!)
Говорил-то Владимер стольне-киевской:

(Князь Владимир всех подарил, а Илью Муромця не подарил.
Илья Муромець обиделса.
Тогда в поле ему привезли [шубу]. Он и ро́зорвал эту шубу.)

«Как и был-то в живых Илья Муромець —
Позащитил бы все церкви да православныя!»
Говорила тут кнегиня, да кнегиня таково́ слово́:
«Уж ты ґой еси, Владимер, да Владимер стольне-киевской!
Ты прости-ко-ся, прости ле меня во той вины:
Как живым-то жив Илья Муромец —
А кормила я его ровно три года́!..»
Как выскакивал Владимер да чуть не до ма́тицы,
Говорил тут Владимер да таково́ слово́:
«Ой вы ґой еси, слуги мои, да слуги верные,
Вы зовите-ко сюда да Илью Муромця!»
Не послушалсэ Илеюшко во перво́й нако́н,
Не послушалсэ Илеюшко во второ́й након.
Говорил-то Владимер да таково́ слово́
Свет кнегине, нынь Апраксеи:
«Позови-ко-се Илью Муромця!» —
«Уж ты ґой еси, Илья, да Илья Муромець!
Ты постой-ко-се за веру да прав‹ославн›ую,
Не за князя Владимира, не за меня, Апраксею —
А за тот народ крещоный!»
Говорил-то Илеюшко да таково́ слово́:
«Я не ради вас, не ради князя́ Владимера —
А за ту ведь, ведь Русь да крещоную!»
Вот он вскакивает.
Говорил тут Илеюшко таково́ слово́:
«Уж ты ґой еси, Владимер да стольне-киевской!
Ты насыпай-ко-ся чашу да серебра,
А втору-то чашу — да скатна жемчуга,
Подари ты, дари посла великого,
Штобы дал нам строку на три месеца!».
Тоґда посол принял злата-серебра и скатна жемчуга —
А не давал он им строку да на три месеца,
Только дал им строку да на три дня!
Ищо стал Илеюшко срежатися ско́рым-на́скоро,
Ищо ко́нничка седлать да крепко-на́крепко,
А поехал во путь во дорожецьку.
Он ведь с утра е́хал день до вецера,
А со вечо́ра до бела́ свету́,
Не пиваючи он ехал, да не едаюци,

А коню-то отдо́ху не даваюци.
А увидел он во́ поле чернивизину,
Тут стоял-постоял бел шатёр полотненой.
Он приехал тут, Илеюшко, ко белу́ шатру́,
А соскакивал он со добра́ коня́,
Заходил он, [Илеюшко], во бело́й шатёр:
«Уж вы здраствуйте, удалы добры молодци!
Уж вы здраствуй, крёсной Самсон Самойловиць!» —
(Двенадцетъ боґатырей их стояло.)
«Уж ты здраствуй, казак да Илья Муромець!» —
«Уж поедемте, робятушка, да во Киев-град
Постояти-то за веру православную
И за того же за князя за Владимера!»
Говорит-то тут кресной ёго батюшко:
«Не поеду я нонеце да во Киёв-град,
Да не буду я стоять за князя за Владимера!
У мня заповедь верно да положена:
Не стоять за князя да за Владимера!» —
«Уж ты ґой еси, крёсной да мой батюшко!
Я беру грех великий на ответ себе!»
Ищé стали сряжатьсе скоро-на́скоро,
Да поехали они в путь, да в путь-дорожецьку.
Как приехали они верно ле во Киев-град
Да к тому же ко князю ко Владимеру —
Заводилосе пиро́ваньё да столо́ваньё,
Столова́ньицё-пирова́нье, да почестен стол.
Ищо все на пиру да стали весёлы —
А один-то сидит Илеюшко: не ест, не пьёт,
Он не ест-то, не пьёт — сидит, не кушаёт,
Ищо белой лебёдушки не рушаёт.
«Уж вы ой еси, удалы да добры молодци,
Уж вы сильние-могуцие боґатыри!
А кому из нас ехать на дело ратноё,
На то ле побоище смёртноё?»
Говорили они да таково́ слово́:
«Уж мы все поедем на дело ратноё,
Уж на то ле побоище верно смертноё!»

Сказали, чтобы Илья остался телохранителем у князя у Владимера.

Говорил-то Илеюшко таково́ слово́:
«Как не цесть-то будёт молодецкая,
Как не силушка будёт, да сила боґатырская —
Как Илеюшка во городи останитца!
Ищé будут робята ’зади таскатися,
Над Илеюшкой будут, да будут насмехатисе!»
Как поехали они в путь, да в путь-дорожецку.
Как выехали они на гору на высокую,
Вынимали они трубочки, трубочки подзорныя,
Как смотрели они во все сто́роны:
Как стояло тут силушки черны́м-черно́.
Говорили они тут да таково́ слово́:
«Уж ты ой еси, Илья, да Илья Муромець,
Поставь нам шатёр и дай нам опамятоваться!»
Говорил Илья да таково́ слово́:
«Уж вы ой еси, удалы да добры молодци!

Смотрите не засыпайте, а помощь давайте!» И поехали вдвоём: Илья Муромець да кресной
батюшко Самсон Самойлович.

Как вынел тут Илья стрелочку калёную,
Натегал тут Илеюшко ту́гой лук,
Говорил тут Илеюшко таково́ слово́:
«Полетай-ко-се, стрела моя калёная!
Ты не падай ле на воду ле, не на землю —
Полетай-ко Кудреванищу во бел шатёр,
Попади-ко Кудреванищу да в пра́вой глаз!»
Уж как стали они биться день до вечера,
А со вецора бились до бела свету,
Не пиваючи бились, не едаючи,
Ищо́ ко́ням отдо́ху не даваючи.

Тогда видит: Самсон Самойлович ослаб. Тогда он вынимал стрелочку калёную и спускал
[ко] высоку белу́ шатру. Они спят и думушки не думают.

Пролетела стрела калёная ко белу́ шатру́,

Вырвала ров земли — да ото сну добрые молодцы пробуждалися.

Как заскакивали они на добры́х коней,
(Шатёр так и остался.)
Уж бились они опять с утра день до вечора.
Говорил-то Илеюшко крёсну батюшку:
«Поеждяй-ко-се, Самсон, больше во бел шате́р!»
А как стали они по силушке поеждивать,
А как стали они силушку помахивать,
Ищо бились они трое суточки —
Уж как выбили они до единого!
Собирались они во еди́ной круг,
Говорили они таково́ слово́:
«Был бы столб в земле до небушка —
Поворотили бы всю матушку сыру́ землю́
И выбили там до еди́ного!
И была бы на небо лесвиця —
И залезли бы и выбили там до еди́ного!»
Уж как выехали они на гору на высокую,

Они приехали, а крестной батюшко помер.

Как зажгли они свецу воску ярова,
И поставили они бел шатёр и легли спать.
Спали они трое су́точки,
На цетверты-те суточки пробуждаться стал
По имени стар казак Илья Муромец.
Вынимал Илеюшко трубочку подзорную,
Смотрел на все стороны:
Во поле силушки черны́м-черно́.
Говорил-то он, Илеюшко, таково́ слово́:
«Уж вы ой еси, удалы добры молодци!
Собирайтесь-ко во путь, в дорожецку
А на то дело, дело ратноё,
А на то ле побоищо на смертноё:
Ищо силы стоит больше прежнего!»
(Они все и кинулись.)
Они ездили с утра, да с утра день до вечера,
А со вецера до бела свету́,
Не пиваюци они ездили, не едаюци,
Ищо ко́ням отдо́ху не даваюци.
Говорил-то Илеюшко таково́ слово́:

«Ищо руки-то мои да намахалисе,
Ищó сабелька моя больне затупиласе —
А с землёй-то, братцы, матушкой не наборешься!»
(Он-то понял, что [не наборешься].)

С тех пор и перевелись богатыри. Все разъехались, кто куда. Кто на горы — окаменел.
Больше не стало богатырей на Руси!

(Зап. А. М. Астаховой 5 июля 1928 г.: д. Белощелье Лешуконского р-на — от Семенова Максима Васильевича, 56 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.